

В и к т о р Л Е Т Ц Е В

Исток

Южнорусская школа поэзии

Виктор Михайлович Летцев
Исток. Южнорусская
школа поэзии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51932855

Исток. Южнорусская школа поэзии:

ISBN 978-5-00165-053-9

Содержание

Конвенция (не)реальности, или Киевский <i>opus magnum</i> современной русской поэзии	6
I. Стихи разных лет	12
Вариации на тему А.С. Пушкина:	12
Три сонета	13
«Теперь зима опомнится едва...»	16
«Ладони твои – два дара, две доли...»	17
«Синяя ночь. Тишь и теплынь. Око...»	18
Надпись на книге	19
«Этот город сам не свой...»	20
На день рождения	21
«Друг друга нам нельзя касаться...»	22
«Ты вошла – и по-новому время пошло...»	23
Аленушке	24
Знание	25
[Всё во всем]	26
«А душа все летает туда...»	27
Загадка	28
«Горчайший мой собрат и друг...»	29
«Свет ли слабеющий...»	31
«Ну вот мы с тобою и снова в начале...»	32
«Еще далеко до весны...»	33
«Утвердясь в нерушимом порядке...»	34

«Перепутались дни – каждый собственным шумом живет...»	35
Киевские этюды	37
1	37
2	39
3	40
4	41
5	42
6	43
7	44
Притча	46
«Нельзя...»	47
«Маленький ёнок...»	49
«Эх, Наталка, Наталька...»	51
В прозе	52
«Это скрипка болит...»	54
«Вот вышел как положено...»	57
О незнании	59
«Нас пустота...»	60
«...чудесно...»	62
Другу	63
«Ты живешь...»	64
Встреча. Именование	65
«Если день миновал...»	66
А. Спренцису	67
«Господи...»	68

«Что...»	69
«Господи...»	70
II. Намётки в записную книжку	72
1983 год	72
1984 год	77
1985 год	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

В. М. Летцев

Исток. Южнорусская школа поэзии

Конвенция (не)реальности, или Киевский *opus magnum* современной русской поэзии

...Личная автогеография порой таит в себе нечто большее, нежели сведения о себе любимом и собственных вехах на пути. «Всякая эпоха переходна, – напоминает автор этой книги. – Всякая переходит. Но можно переходить через улицу и переходить через Альпы. В первом случае рукой подать до дома. Во втором – очень многое надо взять с собой и очень многое оставить». Если вспомним известную сентенцию о том, что далеко бывает не до Америки, а до вокзала, то что же все-таки удалось поэту унести и чего лишиться по дороге в свои шестидесятые, со времен которых он живет и работает в Украине?

Иными словами, в случае новой книги Виктора Летцева, в которую вошли стихи последних лет, что же привносит «киевский» концепт его поэтики (или в его лице «так называе-

мая южно-русская школа поэзии» (М. Берг) в современную русскую словесность? И каким образом «этимологические эксперименты», которыми цитируемый выше автор обозначает обновление «профетического пафоса» нашего героя, на самом деле, являются данью все той же «местной» традиции. А также ее, традиции, неизбежности в случае изменения и семантики места, и ее мистико-философского модуса.

Если же серьезно, то есть, без снисходительных контаминаций в духе «дачного» Антоши Чехонте («Доехал до Харькова. Наконец-то юг»), то речь, все-таки, о более важных «технологических» моделях, нежели просто «территориальная» привязка Слова к бревну «национальных» смыслов, не замеченных на голубом глазу. Итак, классический метод постижения реальности в ее «поэтическом» оформлении – так называемая «рефлексия», пришпиленная к таблице жанров – разделяется, как известно, на «повествовательную» (американская традиция) и «назывную» (европейский канон). То есть, «называть вещи своими именами», а не перечислять их в столбик, каталогизируя реальность, как последний битник – это, согласитесь, все-таки более ответственное и важное упражнение в демиургии. (В том, что автору книги присущи «созидательные» черты «поэтического» характера, отметило в свое время немало критиков («не чужда роль поэта-демиурга и пророка»), и собранный воедино массив его текстов – в том числе, размышления о поэзии, теория стиха и выступления на публике – лишний раз это подтверждает).

Сам автор так обозначает вышеупомянутые векторы «демиургического» и «эпикурейского», скажем так, различия: «Соответственно я различаю: поэзию *непосредственного выражения впечатлений* мира (за этим – секулярная установка Нового Времени и опосредованность восприятия позитивным знанием) и поэзию, где восприятие мира *опосредовано религиозно-философским понятием*, а предметом непосредственного обращения является Сакральное».

Впрочем, сама книга, напомним, представляет собой своеобразное избранное автора, куда вошли и старые, и новые стихи, и как раз на подобном примере «компиляции» и можно узнать (увидеть, расслышать, распознать) поэта во всей его «эволюционной» красе. Будучи по духу поэтом «концептуальным», Виктор Летцев начинает свое путешествие в прошлое с иронической поэзии 70-х годов, дополнив ее любовной и философской лирикой последующих лет. «Тяжек нисхождения путь/ вхожденье в отверстый проем / вмещенье в последний предел / в кромешную смертную тьму», – словно не о себе самом, а обо всех нас и нашей общей судьбе провозглашает автор свой путевой лист-манифест. И позднейшие тексты он тоже маркирует несколько по-другому, практикуя в биографическом «остранении» авторскую отстраненность и объясняя статус «я» в публикуемых стихах следующим образом. «Этот статус – иной, чем прежде, непривычный... Это «я» (в том числе и не обозначенная личным местоимением «точка говорения») есть

не эмпирико-биографический автор и не соответствующий ему герой – но некое сфокусировано-общее человеческое Я, выступающее субъектной инстанцией в Бытийном отношении-говорении (ср., напр., державинское «Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю...» – здесь лирическое «Я» никак неотождествимо с эмпирическим «я» автора...).

Жанры, создающие при этом подобную «статусную» («безличную») реальность, не исключают, а дополняют друг друга, и жизнь в городе, где «Днепр, огибая острова, / Сплавляет лед по чинному теченью», уже не кажется уходом в «столичную» украинскую глубинку, о которой еще футуристы 1920-х писали как о «зеленой тоске на этом хуторе, что Киевом зовется». «Концептуальный Мир-Текст или Текст-Мир принципиально двусмыслен, двузначен, двуобращен», – уверяет автор в статье «Концептуализм: чтение и понимание» (1989).

И вышеупомянутые модели бытования поэтического текста («американская» и «европейская») в его творчестве обыгрываются в виде каких-то «общих», дополняющих, а не исключающих реальностей. «Конструктивный смысл этих «альтернатив», – уточняет автор, – конечно, не во взаимоисключении, а, кажется, напротив, в столкновении и взаимопроникновении двух пространств, двух миров – знания и мнения, которые могут пересечься в некоей «третьей точке», на границе или за пределами ее».

При этом тавтологии, встречающиеся в стихах Летцева (о

которых всегда упоминала критика) – это ведь не только элемент поэтики, усиливающий экспрессию текста, но и основная «технологическая» особенность данного жанра. Какого жанра, спросим вслед за критикой? Какого именно жанра, уточним после того, как все случилось? Какого еще жанра нам надо, переспросим в конце «тавтологической», согласимся, цепочки бытия, иногда именуемой «пищевой». («Все что разрушилось / что сокрушилось / ниспало / я воздвигаю / все упраздненное / отринутое / восстанавливаю / воссоединяю все / что отъединилось / восставляю место мое / утверждаю основы мои / все подлинное во мне / все изначальное / все что я есть...»). Как видим, жанр в данном случае один – это, конечно же, Один. Или Перун, или Уицилопочтли – особой разницы при этом нет. Поскольку все это как всегда – сакральное камлание, набор заклинаний или, если угодно, ритуальные концентраты, словно повторы-квадраты в блюзе, рок-н-ролле или госпеле (церковном, все-таки, песнопении).

То есть, как в случае Летцева, «игра в слова» – это, на самом деле, постоянный поиск наугад, продвижение на ощупь, выстрел вслепую, в результате чего ценность представляет не результат, а сам процесс, и если его фиксация – без пресловутых «бубенчиков рифм» и прочего «мастерства» – имеет вид не *совершенства*, но *совершенной работы* (совершенно, искусно исполненной) – то это, по всей вероятности, и будет поэзия. А уж подобное совершенствование, как уверял автор на вручении ему Премии им. Андрея Белого, «никак

не возможно без раскрытия-обретения в этом искании энергии Изначального, которое есть источник *всех даров* и сокровищница *всех смыслов*, даже если мы и не догадываемся об этом источнике и он остается для нас *бессознательным*».

Как бы там ни было, но тот самый «мираж на большом отдалении», которым Франческо Бонами обозначал «реальность» в живописи, в нашем случае – весьма подходящая оптика для восприятия поэзии Виктора Летцева. Его книга – это пристальное вглядывание в горизонт отшумевших событий, многие из которых близки и дороги всем нам. Стоит взглянуть.

Игорь Бондарь-Терещенко

І. Стихи разных лет

Вариации на тему А.С. Пушкина:

«Фонтан любви, фонтан печальный...»

«Фонтан любви, фонтан живой...»

«Фонтан любви, фонтан печальный!...»

Второй эпитет мне претит.

Скажу вот так: фонтан фатальный,

И пусть поэт меня простит.

Скажу еще: фонтан беспечный,

Кристалл веселья на весу...

Как ты строга была в тот вечер,

Как был загар тебе к лицу.

Как мгла горела, боже правый!

Как рассыпался над тобой

Фонтан любви, фонтан лукавый,

«Фонтан любви, фонтан живой!»

Три сонета

Девушке – осветителю в театре

1

Я встретил вас! Вот вам букет из роз!
Вам, пересмешица, сказавшей: ложе – ложь.
Вам, желтоокая. Вам, ветреница слов.
Вам, дочь Юдифи. Вам, блудница снов.

Вот вам сонет! Светите им из лож!
(Раба на сцену! Свет! О, как угрюм.)
Вам муки муз. Мне – мук. Благодарю!
Он ваш. Он вам. И. да святится ложь!

Ни локтя правды. Правда (сон и снег!) —
когда без вас. О вас, для вас – лишь ложь.
Вы – песнь сирен. Она – лишь воск, лишь вождь

ушей и губ. Вас забыванье в дне
уместится. Твердите: ложе – ложь...
Я встретил вас. Дня нет...

2

Дня нет. И роли нет. Пишу слова.

Ваш выход, иудейка, и – ваш меч!
Ваш. Воли не прошу. Сон воли – вам.
Мне – ремесло, и жертвенник возжечь!

Возжечь – и не писать! Луну – и выть!
И кончено! И не расти трава!
И наг мой слог, и на груди глава,
как дай вам бог!.. А коль не даст – увь!

Увь, моя! Осталось долюбить
остаток. И осадок не будить.
Он птица не синица – воронье.

Он сказ не голос – скрежет по стеклу.
Смыкаю слух. За двух молюсь теплу.
Но не о вас моление мое!

3

Теперь о вас молчание мое.
Мое прощание. Не мстит моя молва.
Раздам слова. Но вам, лишь – жалость вам.
Теперь – ни зла нет. И трава быльё.

И сам! Гори мой карточный, мой май!
Крыла иллюзий – лепестками люстр.
И явь, как явь, и колокольный лай
к заутрене, приемлю – и молюсь!

Молюсь! За семь надежд – семь белых стай.
за семь небес – семь осиянных рун.
(О, сети солнц – лишь неизбежность лун!)

Молюсь! Свети же солнце и сверкай!
Свергай и лейся! И да будет миг
добра и утра, муки и любви!

май 1979 г.

«Теперь зима опомнится едва...»

Теперь зима опомнится едва,
Как беглый царь, на грани отречения,
И Днепр, огибая острова,
Сплавляет лед по чинному течению.

Залив раскрыт. Строптивым сквозняком
Продуты флейты ивняка речного.
Песок речной, дрожа озябшим ртом,
Глотает брагу снежного покрова.

Люблю смотреть на этот слезный пир
С крутого парка на высоком склоне,
Где под рукой прибрежный тонет мир
И все Левобережье на ладони.

А в городе гадают по часам.
Я сам включаюсь в этот счет проворный.
И горбится асфальт глубоко-черный,
И шляется за мною по пятам.

И тут, и там уже витает хмель.
В составе воздуха – переизбыток влаги.
И повинуюсь удивленной тяге,
Слетает с крыш дочерняя капель.

«Ладони твои – два дара, две доли...»

Ладони твои – два дара, две доли,
Две птицы, на волю отпущенных в поле.

Скитаются где-то, с чужими сплетаются,
Тепло им, ладоням – они забываются...

Взовьются – и канут. И станут со мною
Горючей травой, плакучей листвою.

«Синяя ночь. Тишь и теплынь. Око...»

Синяя ночь. Тишь и теплынь. Око
Талой луны перья небес чистит.
И тополя все в серебре – сколько
Белых монет – не сосчитать! – листьев.

Но раскрадет свет серебра – утро.
Но исключют тишь тишины – птицы.
Нет мне богатств – тени твоей смуты.
Нет тишины – голос, твои лица...

Надпись на книге

Знаю, когда-нибудь вновь, книгу открыв,
ты забытую

Надпись прочтешь, а меж строк
память живую мою.

Глянут не глядя зрачки,
ласточки воспоминаний

Зыбкий покинут приют
и закружат над тобой...

И, с этих пор, ты полюбишь
эти нехитрые строки,
Где осыпается время,
как золоченый песок.

«Этот город сам не свой...»

Этот город сам не свой,
Без тебя неузнаваем,
А вчера казался раем
И беседовал со мной.

Без тебя властитель мой,
Мой учитель, свод Софийский,
Гордый крестник византийский,
Клонит купол золотой.

Вез тебя перевитой,
Бирюзовый, как в апреле,
Ослепительный «Растрелли»
Не парит над суетой.

Без тебя калитки той,
В старый сад, никто не ищет.
Без тебя я сам, как нищий
Над копилкою пустой.

На день рождения

Год от года,
Счет от счета
Все труднее сердце дышит.
День рожденья,
День круженья
Все печальнее и тише.
Только нет его милее,
Легче нет,
Прозрачней нету —
Беглой спицей
В колеснице
Он прокатится по свету.

«Друг друга нам нельзя касаться...»

Друг друга нам нельзя касаться,
Ни сном, ни голосом задев.
Лишь оглянись – и вновь раздастся
Кружащий, тающий напев.

Лишь оглянись – и вновь прольется
На раздорожье ворох трав,
И птичье племя распоется,
Листву на ноты разобрав.

«Ты вошла – и по- новому время пошло...»

Ты вошла – и по-новому время пошло,
От тебя начиная отсчет.
В этот год все поймёе светом взошло,
И казалось не кончится год.

И казалось... А в дивном беспамятстве ваз
По неделям не вяли цветы,
И не двигалось солнце, и мучило нас,
И сияло нам до слепоты.

Птицы пели – и ты просыпалась, смеясь,
И лазурь проливалась в ответ,
Запевала свирель, и вилась, и вилась,
И казалось не кончится свет.

И казалось...

Аленушке

Дитя, Аленушка, Аленка!
Ручонка – тоненький смычок,
Воздушно-шелковая чёлка,
На синей кофточке жучок.

В чернилах палыцы. Не сидится
На месте. Вроде ветерка:
Летает, нежится, кружится;
Нетерпелива и легка.

Красуется, читает книжки
Про рыцарей и королей.
А молчаливые мальчишки
Уже записки пишут ей.

В записках бред. Как это ново!
Ответа нет. Посланье вновь.
И в воздухе витает слово
Еще незримое...

Знание

Знаю я ярость и мощь твою
когда ты обрушиваешься внезапно...
Знаю любовь твою
что расщепляет мозг
расплавляет сознание

Знаю гнев твой
что вздымается кровью
от лживого слова...

знаю тяжесть твою...

Знаю все твое
и этого довольно...

[Всё во всем]

Это ты расщепляешь
замыкающиеся в темном

Это ты связуешь
рассеянное в сомнении

Это ты прорастаешь
в опустевшем сознании

Это ты мучительно прорастаешь
в замкнувшемся самосознании
Это ты светло прорастаешь
в больном сознании

Это ты неожиданно отступаешь
и отвращаешься...

память неожиданно отступает
и медленно отступает жизнь

Это ты объемлешь всё
Это ты прорастаешь во всем
Это ты всё во всём

«А душа все летает туда...»

А душа все летает туда,
И дрожит, и под окнами бродит,
Будто тать в ожиданье суда,
Где последняя ночь на исходе.

Разве можно так больно любить?
Разве свет не повинен смежаться?
Говорят: нужно память убить.
Что мне в том? Нам уже не расстаться.

Нам уже не проститься с тобой.
Это будет без времени длиться.
Выжжет сердце. Скрестится с судьбой.
И умрет. И опять возвратится.

Загадка

Ни журавль, ни синица,
А доволен сам собой,
Хорохорится, ершится,
Побродяжка городской.

Сердобольная жилетка,
Да опасливый зрачок,
С ноготок грудная клетка,
Хвастунишка, дурачок.

Все б ему прыжки да прятки
По задворкам, по верхам.
С огольца и взятки гладки,
Сам встает, ложится сам.

День-деньской одна забота:
Был бы цел да был бы сыт.
От призора, приворота
Сам себя заговорит.

Сам найдет себе горбушку,
Сам возьмет себе подружку.
Сам потужит-погрустит,
Позабудет, посвистит.

«Горчайший мой собрат и друг...»

Борису Марковскому

Горчайший мой собрат и друг
Тишайший, ткущий под сурдинку
Созвучий вздорных полукруг,
Смятеннейшую паутинку,

Смотри! что лебединый крик
Звезда вошла в последней трети,
Скорбит пред вечностью старик,
А белый ангел двери метит.

И твердь сдвигается дрожа,
И вишь ложится книга жизни...
Семижды имени бежав,
Душа откроется на тризне.

В последней, смертной нагоде
И прямоте. Крыла расправит...
И нам земные сны и те,
И те грядущие оставит.

И нет их слаще и страшней,
И жизнь глядит в себя, как в небыль,
И оттирает слезы небом,

И белый город снится ей.

«Свет ли слабеющий...»

Свет ли слабеющий
Издалека?..
Круто на запад
Идут облака.

В дымке у края
Теряется след,
Ни возвращенья,
Ни памяти нет.

«Ну вот мы с тобою и снова в начале...»

Ну вот мы с тобою и снова в начале.
Семь бед за плечами, как лучшие дни.
Скорей же упругий зрачок поверни:
Бог света лазурь отпирает ключами.

Смотри, как бестрепетно сосредоточен
Багульник, как легкий ольшаник лучист;
Как бабочка, дышит безоблачный лист,
В шелках беспризорный кузнечик стрекочет.

Войди в этот неотвратимый покой,
В отверстую музыку лада и света,
В живое блаженство пчелиного лета,
В бесхитростный праздник роскошно-скупой.

«Еще далеко до весны...»

Еще далеко до весны
И сны глубоки у природы,
А мы уже заражены
Безумием горшей свободы.

Так дети, ища новизны
И смысла в игрушечном мире,
Слагают бессчетные сны
Из кубиков ветхой цифири.

Но чудная птица живет
В прозрачном доме из кварцита,
Где вечный кончается счет,
И зренье, как сфера, открыто.

«Утвердись в нерушимом порядке...»

Утвердись в нерушимом порядке,
Терпеливой листвы ученик,
Я к непрочному миру привык,
Как школяр наигравшийся в прятки.

Жизнь снует, как челночная нить,
На себя натываясь с разбега.
Мне бы только до первого снега
Горсти разума не обронить.

Никогда я не чаял вернуть
Ни ручья, ни скользящего света,
Но люблю возвращение лета
И листвы восходящую суть.

«Перепутались дни – каждый собственным шумом живет...»

Перепутались дни – каждый собственным шумом живет.
Посмотри, как мелькают в глазах безотчетные беличьи
спицы.

Повернем же туда, где на площади улиц разлет,
Башня время, мигая, крадет и фонтанная чаша струится.

Здравствуй, шаткая влага, проточный дробящийся дом,
Оголенная поросль ума под сверкающей шапкой,
что видишь?

Пахнет свежим мелком истолченным и ручным
вороватым дождем,
Но сегодня, пожалуй, сумятицей вечной уже никого не
обидишь.

Бестолковые братья мои, воробьиная шустрая масть,
По дворам промышляет нуждой – зоркой крошкой
себе на прожиток.

Хочешь – плачь, но нельзя уцелеть, чтобы в круг
отчужденья не впасть,
И нельзя не любить тот слепой вечеряющий свиток.

Мне мерещится одуванчика распавшийся шар.
Это ты, не шутя, нагадала по книге японской.

Это по ветру летит кочевой приглянувшийся дар.
Что ж, удачи ему в этой ласковой роли неброской.

К ночи в городе вешнем, как вишни, цветут фонари.
Опускается синяя сеть, тяжелея от соли вселенской.
Разливается мгла. Лиловее ветвей лабиринт.
И асфальтовый щит хорошеет от влажного блеска.

Спи же, время невидимо и не бежит никуда.
Как воздушный играющий ключ – лишь восходит
к упругому краю.
Голубые колеса причин и простая глазная вода, —
Вот и все, что поет. Только зеркало мира мерцает.

Киевские этюды

1

Пруд потемнел.
Низко солнце стоит на закате.
В ровной воде повторяется берег и солнце.
Жабы кричат – голодных артистов орава.
В кваканье этом
глухая таится обида,
глупая жалоба всех
на двусмысленность жизни.

На возвышении церковь и рядом
часовня стоит из грустного дерева вся
со взглядом скрипучим и тихим.
Римских кровей циферблат
и башенка с колоколами.
Глядь, молоточки пошли,
звон три часа отбивает.
Ловкий пружинный завод
и почерневшая медь.
Где здесь награда, где цель?
Есть ли течение здесь?

Воздух густеет.
Плывет и колеблется, перемещаясь.
В этот подвижным объем тополя
пух отпускают —
летит, подлетает, садится.
Сонное зрелище —
морок, слюда, иллюзорность.
Сны ли летают
или только призраки снов.
Медленно, медленно так
на сидениях дремлют,
пока не устанет качать.

Ниже, на спуске к Днепру,
Буйство и плеск разнотравья.
Желтый цветет чистотел —
желтым питается соком.
Тут же крапива цветет —
жалкая жалит в отместку.
Чинно на листьях сидят
Жучки в пиджачках из эмали.
Мушки летают и помнят
только лишь о пропитанье.
Бабочки дышат легко —
летают крича и мечась.
Скачут кузнечики, вечно
носясь с бестолковой заботой, —
что бы еще одолеть,
кого бы еще удивить.

Уже от духоты земля устала.
И нет дождя.
И пух летит, летит,
как полоумный.
Что за перегоны?
Что за ужимки?
Что за времена?

2

Лето в начале,
а липы уже отцвели.
Всех нас подвел календарь —
жалкая схема природы...
А на полянах сидит
одуванчиков легкая стая.
Легче уже и во сне
оперения не отыскать.
Так безнадежно легки,
что никак и взлететь невозможно.
Только привстал — и прощай
видимый дом и объем...

Душно. Совсем отцвели
каштаны. Цвет их уснувший
пестрым укрыл тротуар — кем вы были вчера?

Дворники ловко метут.
Ловко мелькают корзины.
Мусор бесцветный
засушенный и отрешенный —
где вы были вчера?
Только на смену взошли
грозди акации белой.
Пахнут, а ветер летит —
торгует во всех направлениях
запахом сладким —
успел, не успел – отходи!
Денег не надо,
Вся плата – внимательный шаг.

3

Еще цветет шиповник – вдовый бог,
оплаканный навеки в тех стихах,
что собраны в соцветья и горчат,
напоминая, что судьба пристрастна.
Напротив вечно,
стоя выше крыши,
качаются верхушки тополей:
туда-сюда,
вчера-сегодня-завтра,
туда-сюда.
У них одна забота —

как выше стать.
Туда-сюда
и в небо.
Как устоять,
как выше стать.

Утренний город лучист.
Солнце на юго-востоке.
Левобережье в дыму.
Мощные воды Днепра.
В тысячный раз постою
справа над темной водою,
в тысячный раз посмотрю
на ослепительный след...

4

Сентябрь в городе.
Уже не до купаний.
Нет-нет, какой-нибудь сорвется лист.
покачиваясь на упругой почве,
Глубоко дышат легкие деревья:
Каштаны, клены, липы, тополя.

Сентябрь в городе.
Каштановые сборы.
Уже висят на ветках еле-еле

тяжелые колючие плоды,
как кулачки в ежовых рукавицах.
Кто преуспел – срывается на землю.
Сквозь шум слышны тяжелые удары —
слетит, расколется и, словно из оправы,
выскакивает маленький божок —
опрятный, влажный, хитрый колобок,
и по земле разбросаны без пары
никчемные колючие футляры.

Рыжеют листья.
Стебли трав рыжеют.
Рыжеет тех каштанов кожура.
И воздух сам по крохам, но рыжеет.
Сентябрь.
Нет-нет какой-нибудь сорвется лист.

5

Октябрь.
Листья, листья,
в кучах, в грудах.
Дымят костры,
тягучий тянет дым.
С утра забот
малиновые листья
сыпают в ящики

и возят на колясках —
такой почет...

Ты урожай шуршанья,
шум бездомный,
досады шепот,
шороха уход.

6

Плавленный снег. Хлипкая слякоть.
Снова весна. Теряется берег в тумане.
Мгла расположилась на том берегу.
Мосты висят – игрушечные снасти.

Сидит ворона на пустой верхушке
и смотрит вдаль печального. Весна.

А под ногами здесь деревья держат прочно
правый склон.
Расти на склоне – бремя изгибает,
но непрерывно тянет вертикаль.

Нет ничего светлее тополей!
Светло-зелено-серебристые стволы.
В ветвях могучих сила и покой
и твердость атлетической повадки.

Покуда длится обморок ветвей,
здесь царствует холодная омела.
Темно-зеленые жестяные шары
висят в ветвях свободного полета.

Течет вода – уже не жечь, а сталь,
Теперь в Днепре серебряные рыбы
выходят на сезонные работы,
всем надо подкормиться, отогреться,

как хочешь, а свистя не проживешь.
Изогнут ловко мостик пешеходный.
Так звери изгибаются со сна, потягиваясь
и на солнце щурясь.

Речной вокзал как баржа на приколе.
В порту крутая движется работа. Весна! Весна!
Московский мост в тумане. Весна!
Река уходит вправо вверх...

7

Видишь,
Сад растет об одной розе,
Роза растет об одной пчеле,
Пчела растет об одной мысли,

Мысль растёт об одном человеке,
Человек растёт об одном небе,
Небо растёт об одной земле,
Земля растёт об одном саде,
Растёт.

Притча

Жженный чан — по края вода.
Отразилась в воде звезда.

Смотри, за́ небо держится,
Что твоя самодержица.

Только капнула в чан слеза,
Чьи-то выплакали глаза.

Опрокинутый вздрогнул лес,
Покачнулся провал небес,

Заходила земля и вод
Волны хлынули... А всего —

Нищий с дудкою брел, бубнил
Да беду свою обронил.

«Нельзя...»

Нельзя
Так улыбка знает

Чистого смеха пласты
говорят нет нет

Выдох и сразу
в пустом

Нет ничего
Мы в пустом

Мы сначала

Мы здесь
Мы здесь
Мы одно

Прямо видят глаза
Прямо речь
Прямо слух
тело

Между нет ничего
нет нельзя

Мы одно

«Маленький ёнок...»

Маленький ёнок
семя семенил
сеял семя себе
крошечный ёнок

А онный стоял
над землей
прямо вокруг
взирал взирал глазами

Анная пела текла мимо мимо
гнулась блестела
скользила укротно
лестно

Вер говорил говорил
слушал слушал
думал себя про себя
про ничего
трудно

С мягкой такой
ница ница
можно погладить
лепечет поет

собирает
юркая ница

Вот инка
падает медленно так
летает летает
легкая плавно везде
касается чуть чуть
и смеется

Это ость прорастает
прозрачная собралась
дрожит держит пустая
тянет искривляет
пустая ость ость

«Эх, Наталка, Наталья...»

Эх, Наталка, Наталья
Усталые глаза.

Цвели на пустом балконе
Голубые цветы.
Дождь их поливал-лил,
Лил-поливал.
Ничего.
Протекли утекли.
И мы утечем протечем.

Эх, Наталка, Наталья.
Далеко.

15.12. 1984 г.

В прозе

А. Спренцису

Эх, ровно считают собаки,
Ловко сводят концы.
Не напрягайте продольного мозга у речи,
Не надо, так легче.

Каждый в детстве любил попугаев,
Рифмы и много варенья.
Сладко осваивать повторенье,
а это уже не детство.

С помощью разных уроков
Очень легко не думать.
Не надо это повторять,
Это не важно.

Дайте мне предложение с крупницей смысла,
просила лопата, – ибо мной забивают гвозди
– Простите, простите!
– Если смысл во мне – почему меня унижают.
– Если смысл во мне – отчего меня обижают.

Любят мелос собаки
И волки – воют, воют.

Вот-вот заговорят
или залают.

Пел на псалтири Давид,
смотрел только вверх —
все восхищались.

Стал верхом Давид,
а все низом.
— Хорошо быть верхом
унижался низ.

— Хорошо быть низом
Восхищался верх.
Тайно менялись.
Где ты сейчас?
Поймай себя посередине.

Не ищите противоречий,
Не надо собачьих истерик,
Пользуйтесь ровным счетом.
Ах, берег, берег.

13. 03. 1986 г.

«Это скрипка болит...»

А. Спренцису

Это скрипка болит
Скрипка скрипица
Мало ли скрепки защелки – не помогает.
Тонко скрипит.
Вскрикнет и тает – больно.
Кто с головой все рассчитал
Все закрепил – ходит болеет.

Что это? Что это?
Как угловатый рассеянный жук
Держится только на струнке былинке.
Раненный жук раненный жук – цветные эмали.
Тонкие крылья горбатой спины
Цветные эмали
Беги отползай.

Бабочка сердца во сне коротала
Бабочка сердца.
Только по воле летать
Только хотела,
А воля летает сама.
Если не связан ничем отчего полетишь?
Только не надо не бойся

Сколько причин голубых —
Смейся летай.
Хватит на всех пустоты золотой
Короны открытой.
Только до мира далеко.

Бабочка сердца бабочка сердца — ты зеркало или смычок?
Если знаешь скажи?
Тонкие крылья парили
Светали глаза.
Если знаешь скажи?
Кто гуляет в пространстве.
Там проталина звука цветет.
Если знаешь скажи?
Если бабочка спит
Кто звучит кто услышит?

Кто устал
Становится деревом вдруг деревом вдруг.
Медленно корни текут
тихо неслышно.
Ветви травы текут.
Море горы текут.
Все течет.
Хочет обратно.

Вот звучит возникает
Вот голубой возникает
Вот звучит голубой возникает

Вот возникает из света

Вот звучит возникает из света

Вот из света звучит голубой

Вот из света хрусталик

Вот возникает из света хрусталик звучит голубой.

«Вот вышел как положено...»

*На приснившаяся
От них
Гадка постановления.*

Вот вышел как положено
На лужайку в воскресенье
Смотрю на меня Эта
Сплющенная
С ножичком
П о с т а н о в л е н и я
В страшном виде
Так прямо прет зараза
Не сворачивает животная эдакая
Вот думаю гадка сволочь
Опять тута погулять не даст
На солнышке зарежет.

Ну как не вспомнить тут
Д и м и т р и я
Как наша Пригова уважаемого
Алексаныча.

С приветом

добрых чувств

Летцев

еще живее

Виктор

Михалч.

О незнании

Все знанием вооружены

А я

Что я скажу о тебе

Я – не знаю...

Свет твой

Глубины твои

Тайна твоя

Тайна лица твоего

Я – не знаю...

1986 г.

«Нас пустота...»

Нас пустота
размыкает внимать
отчего отчего этот гул
эти темные пляски дождя
отчего
этот слом
этот шум

В этом шуме везде
ничего не растет
В этот шум
выпускают зверей
Лапы морды и когти
грызут и скребут
Этот шум этот шум
по ночам

Это русла притоки болят
Это красные реки шумят
их зверей кочевой зоосад
разбрелся один
собирать
корм собирать
радеть.

«...чудесно...»

...чудесно
и неотвратимо
открылись глубины твои
светлые корни твои
истоки твои...

Дай утоли
зренье искавших тебя
утоли
жажду узнавших тебя
войди
в оцепененье ждущих
стоящих
в преддверии...

1987

Другу

(О жертве)

Лицо твое искажено

Как похвалялись

Как играли

Как присягали имени твоему

Как одаривали тебя твоим же

Как завлекали

Как загоняли в ловушку

Как звери тебя...

Как звучал слабый голос твой

Ломкий голос твой

Детский голос твой...

1989 г.

«Ты живешь...»

А. Спренцису

Ты живешь
и не знаешь
Кто
с тобой рядом
неусыпно ...

13.03.90 г.

Встреча. Именованние

Знающий ч т о – встречает.

Знающий к а к – именуует.

Знающий ч т о и знающий к а к —
связует, обретаает.

Это и есть с о з и д а н и е.

Поэтому, знающий – понимает.

Понимающий – уподобляется.

Встречающий – творит.

13. 03. 93 г.

«Если день миновал...»

Если день миновал
а ты не изменился – горе тебе.
Если ночь прошла,
а ты все тот же – умер ты.

Если встреча не опалила тебя —
как познаешь ты истину пути.
Если в разлуке не стал ты твердым,
как устоишь в борении.

15.10.94 г.

А. Спренцису

Пусть
внемлют
стоящие
лицом
к лицу
последнее
и вечное

08.08.96 г.

«Господи...»

Господи!
Помоги мне
избавиться
от свое-волия
и свое-мерия.
Да буде
воля Твоя
и мера Твоя.
Да не сужу я
в надмении
не преступлю
в притизании
ибо Ты
Владелец
и Судия!

20.07.96г.

«Что...»

Что
самое страшное
в мире сем
Господи? —

Это
тьма и смерть!
Но тьма
не страшна тем
кто просвещается
Светом Твоим,
Господи!
Смерть
не страшна тем
кто спасается
спасением Твоим,
Господи !

Этот мир
не получит тех
кто
вне мира сего,
Спасе Господи !

30.05.99

«Господи...»

Господи!
Что я есть
Если не могу противостоять
натиску глуби
что я есть
в этой /пучине/
под /натиском/ напором дней?

Отчего
я повинен
непрестанно идти
питаемый болью?
Отчего
Не даешь и часа
Отдохнуть?

Зачем
отрываешь меня
ото всего,
как свое от чужого?
Для чего отделяешь
и оставляешь стоять
под взглядом Твоим?

Что я /есть/

в отдельности этой?

Что – / я / в устое этом?

Что – / я / в повинности этой?

Что значит

это смятение

этот призыв?

26.11.99, 15.10.03?

II. Намётки в записную книжку

1983 год

Где презирая /в душе/ светофоры
...народ снует

Где... кричащие...
хвосты очередей,
где добрые нас покидают чувства

...над распаренным асфальтом
запах стриженной травы

...когда одновременно...
звучит сферическая
партитура мира

...Земля должна дышать...
Сбросит, словно шелуху, ...
асфальта... горбатые пласты...

—
...Сих как поэт
сказал бы

—
...на околице... дитя
слепого ядерного века

—
Как голуби, слетаясь
на подачку
Пугаются доверчивости самой
/ пугают нас... / пылкой /
Вращают воспаленными глазами...
...
Так этот мир... перед нами...

—
Сегодня я задумал...
/ отыгаться /

—
Не причитай, не надо
то, что было

—
Где вода спешит и льется
Над гранитом дорогим

Глаз неоновый зажжется
Если время обернется
То часы сыграют гимн

А над _____гом белый дождь
И если жить по счету
То _____ не пройдешь
_____ не свернешь
слепому / повороту /
любому

Я сам не знаю почему

_____ вопреки уму

И целую ночь на страже
... сумрака —
_____ деревья

Пусть _____ поет
На своей безопасной свирели...

Сегодня в городе покой

—
— — — — — Зачем-то
в город / сорока залетела,
не затем ли, чтоб
выхватить единственный
блестящий... и... / ...

—
Сколько тут не ходи...
кривизной не насытится глаз
... .

—
/ Красная /, совсем ничья
/ овдовевшая /, как _ _ _ _ ина
опустевшая _ _ _ _ / рябина /

—
/ сияние / утонченных
тополей

—
Озябли листья мои.
Тонкой пленкой
озеро скрылось . . .

—
Тонким прибором я стал.

Слышу / как /

_____ хор...

/ это даже мешает... /

—

/ Я тоже из /...

И спал / под спудом / пять

тысячелетий

Пока Земле приснился облик

зримый

1984 год

. а я опять ГОТОВ ГОТОВ
начать сначала

Цирка / полукруг колон
огромный / аквариум универсама
пассажа / торговый коридор
/ горки гравия

И лапами исследован /
Лежит / щурясь / рябой вороний снег

/ грузный / снег долой с дорог
отвален / И на Земле уже / землей /
замешан снег

...разложены слоистые материи
заката
лиловые и красные слои
/...как в лавке промтоварной,
хочешь? нет? а то возьми
на платье.../

... На исходе вечернего света
Он ему подарил золотые лучи.

...

По листьям / стлалась влага

... Чуть-чуть развиднелось /
Машины зашумели
Задвигались трамваи

...

Уже с утра вороний гам
/ воронья перебранка / под окнами /
Стеклянные расколотые вскрики
И клюв наперевес, и взгляд
тревожно – удивленный ...

... Как серебро ключей
переливает звуки

... острия золотых тополей
/ в голубом / кристалле неба
/ возносятся ... /

На черных предвесенних грушах

... отростков бахрома
Кривая графика ветвей
/ резка / на голубом

Ослабший / влажный / снег
покрыт хрустальной коркой
там пустота, чертог, палата /

Следы, следы ... от ног, от лыж ...
Снег сине – теневой ...

...

А в мягком / / снегу
Проколы / от / / каблучка

... дротики каштановых
ветвей
/ здесь почки наконечники /

Собирай / ... /
Света пылицу / золотую /

... где / черные / ручки ветвей
/ впадают в небо / ...

взъерошен ворон непогоды . . .
/ угрюм / . . .

. . . Цветное я вижу
цветным, а серое – серым.
И все же? . . .
/ Нельзя обольщаться
. . . обман возвышает недолго . . . /

Ризалитовые . . .
Млечный шифр облаков

/ На правом склоне /
Ныряют в ветвях фонари
. . .
Вместе нырнем / с откоса / с крутизны /
Коснемся крылом днепровской воды
/ Днепровской воды зачерпнем
/ отхлебнем /

невольно
. . . И хочется . . . /у / скользнуть. .
под козырек гостиницы Москва

. . . Омолодить Шевченковский
бульвар . . . здесь тополей
молочных /пуховых / ряд. . .
И хорошо дышать им в черноземе

И подымается застройка . . .
/ на Печерске / выстраиваясь
лесенкой крутой . . .

И весь наш опыт / ломкий /. . .
Нетронуты светлые пласты. . .

Как вверх по Днепру
Птица летит.
Крыло гоголевской.
Глаз Хлебникова.
Молчит.
Летит.

Действительность ходит,
как нить,
Челночный станок / не уследишь
А еще не поймаешь
/ Двукратный растерянный /город /

. . . Там, на высотах
И на плоскогорьях
Звучит, как сеть
Стихотворенье мира»
Нет – нет, Его нам
Не допеть
И не унять
Теперь . . .

. снует
электронное время
в наем отдает

. . . Уймись! Уймись!
Негоже там мигать
И расточать общественное
время

И мне звучит прозрачное
ВиЭль . . .

. . . Все в городской суете, маете
слепоте

Здесь и вдаль / то / не смотрит
Никто. . . Дали – нет
Здесь фасады, и давит глаза.

. . .Глаза, Глаза, открытого сиянья,
прозрачны и подвижны,
как ручьи
там глубина чистейшей
новизны и ни _____
ни _____

. . . Там где-то _____
светит чудо / удивительное море /
/ совсем / неотчужденного труда

. . . как звонкий синтаксис . . .
как перепад / испуг / воды

В городе все на виду
. – вы, часы —
Близорукие сени,
.

/ Весь / синтаксис – лучится

словно тонкий свет. . .

—

. . . Стоит помыслить о сути
как сразу оказываешься
в сплетении солнечном. . .

—

. . . / Снова / в яму бесконечности
упал.

—

. . . . А мир, на самом деле,
убывает . . .

—

. . . скажи, зачем мы брошены
в пространство, —
глубокая сияет крутизна . . .

—

И было это . . .
седые птицы небосвода
возвращались, . . .

—

Вишни цветут и абрикосы . . .
/ Им / Не скрыть
Белокрылость

—
Жду света сегодня —
/ откроется или нет / будет ли /

—
/ устал /
/ Когда устаешь / от всего, что близко /
Ищет глаз отдохнуть в голубом,
/ и зеленом /
. . . Лучше в стае пчелиной летать . . .
/ ищет море раковина ушная / – морского /ой/
/ дна /
.
Близко – дома / кирпич, гранит, бетон /
Близко — _____ , близко – ты . . .

—
Одуванчиков толпы / на зеленом /
/ циньская / желтая армия /
подзаборная

—
/ . . . одуванчиков легкое море /
Учись! Чем светлее / прозрачней /,
тем легче

—
как

... Шмель – мохнатая пуля /ой. . . ей /
полетел на работу . . .

—

Мимо прожужжала муха
тяжело . . .
С неба висит паутинка . . .
Скворцы собирают корм
собирают в траве, посматривая . . .
Белка пошла за продуктами . . .
Птицы посвистывают – кто
не работает, тот поет.

—

туда, где . . .
где удивительно прекрасное
болото . . .
жабий капитал . . .

—

на пустырях / отборная / трава
жирная

—

... летело облако воды

—

/ светлая / трава / ы / высокий / воздух
/ на подвесках / неба / о / цветет /ут /

—
... Небеса высоко в чистоте глубоко
Тихо звучит речной позвоночник
Выгнутый мост, вогнутый мост
провода речные ...

—
Город цементный _____той _____той
Здесь гуляет / томится / остаток века
пружинит / напрягается

— — —
— — — человека

—
... там где длиться уже
миллионы / белого коронованного / солнца
упругого
мгновенный взрыв,
/ протяжного / дышащего
/ чудесный / взрыв

—
вот осязаю течет
синтаксиса тонкая струйка

—
... между четом и нечетом
проростаем / дышим / о / живаем /

в пространстве

Если скажешь: неправда
все что ты тут сказал,
потому что где оно?
Я отвечу: здесь оно
и сейчас . . .

. . . С утра уже осень.
Незаметно октябрь наступил.
Парус наладим и поплывем

. . . Я помню все настолько
что могу забыть, что помню

. . . Бабочка лета /
С голубыми глазами
на крыльях // летает //
не видит не слышит
все знает
Дышит крылами
вдох – выдох // все знает

Облако . . . задержалось

в росе на пути в Египет,
в росе на пути в Египет
Жарко . . .

. . . На голубом лице озер
голубая ряска – трава
/ и / и стрекоз нависающий
хор . . .
Дышит влага озерных колес
В тесноте камышовых полос
Хорошо.

летит . . . / Веет / ветер голубой,
шелковое повитря . . .

/ . . . Так / спицы дождя
пролетают в отвесном
своем колесе . . .

Вначале на всплеске кривой
голубой выпадает дождь
. . . Космоса легкие струи себя
/ тебя / / от рожденья / струят
безвозмездно
. . . Теперь посмотри какая

нам снится работа . . .

—

Он писал:

когда . . . —

стояли капли на озерной глади

И небо пело о своей простуде

—

. . . Сияет воздуха вода

блестит небесная слюда

и голубые невода . . . / стоят /

—

Звучала речь прозрачной

светлой кривизны

Был язык соломинкой

легкой . . .

—

. . .

в голубое стекло посмотрев, Пушкин

за ландшафтом ушел и отразился

во всем . . .

—

Траву перевяжи – она подымется

Зайца положи – он вскочит

Скок – поскок / / бродяга – пророк

Здесь говорит « Еще раз,
еще раз »
Там – камни смеются
/ «Еще раз, еще раз» /

. . . Видишь, далекое поющее время
Голубые спирали забот
текущий цветок голубой

И мы не от а в
в миру, а не от мира

. . . / И / всего что / нужно / для жизни
Это / вот / именно / чудесного / смысла
открытые луга.

. . . говорит думает зачем
люди, деревья, птицы живут
я – говорящий зачем?

. . . и держатся за / память /
/ как / за свое майно.

голубые движутся реки
/ уплывают / в свои х берегах
. . . лунный виток,
серебристые спицы вод

. . . Эти гибкие дуги / мысли /
сознания /открыты вовне /
выпрямляем

. . . Глаз говорящий, следящий
видишь устал
скользящий думать устал
слышать устал
Прямо глаза разверни / у /
зрачки параллельно . . .
не думай, молчи
отдыхай.

. . . Ночью и роца молчит
Слушать не хочет. / листья
сложила свои, слушать не хочет

. . . Голубые стволы вечеров / никудышняя /
стая разошлась по дворам
ночевать отошел листопад

... в бирюльки рифы играющий
подкидыш, юродивый ... ничто ...

/ Все голубое /
... Видишь детства голубые дымы
плывут, меняются
голубые дымы
плывут, меняются
утра голубые дымы
– им легко голубые
плывут им хорошо

Вот ... Это

Простота как забота речная
протекает в пространстве ветвей

Заходи ...
Ласкаво просим.

/ Как воды запруды / прорвались
текут

как воды запруды мысли рождаются текут
как воды запруды пружинит
глазная вода
как воды запруды
течет голубая глазная вода

Вот видит дерево
и сон сияет
видит сон ветвей
лучей и
глаз сияет
видишь ли?

. . . синий, синий
в горах гнездится дождь . . .
синие синие змеи дождя
в гнездах живут

/ В глубинах речи /
Голуба слога коснулся
прозрачных основ
Белых пружин заводных
раздвижного подвижного
смысла текущие оси

Посмотри, человечество
все еще связано плотно
в пленках кричит
от единственной боли. . .

/ Незаметно/ стал я глазами
/ Весь / превращаюсь в глаза:
В землю посмотришь —
стоишь на осях
/ упираешься / в землю лучами.
Больно . . .
В небо посмотришь
летишь
хорошо / и легко /

. . . Горюет горит
гореваает себе как горелка . . .

Пока шел стал / железа железный тверже /
мышцы как железо тверже.

Теперь устал
сел отдыхать
Мышцы / ума / распустил
/ спины ум распустил

пустил по течению
плывет по течению как лотос
небесная лодка в собрание цветов

Сегодня / Земли
Центр воды
как отыскать /
отыскать
Голубая ось!
Голубая ось!
Тонкий просвет

Шел-шел железный стал
стал как железо тверже
Мышцы связки напряжены
тяжело.

Голубые сны мне
теперь снятся

Голубые целебные сны.
В синем небе цветок
В синем небе цветок
отпусти свои мысли на волю.

Когда жизнь оседает
становится новым можно
прозрачно видеть.

Птичий свет

Птичий свет

Ложится на чистый хрусталик

Дайте свету войти . . .

Свет пернатый ложится . . .

—

Когда попросит отдыхать

/ уставшее от борьбы человечество /

Усталое / детское / тело

молодое

культуры

1985 год

На глухом балконе
Растут голубые цветы.
Дождь их поливал-лил
Лил-поливал
Ничего.
Пролились утекли.
И мы утечем
проскользнем
Эх Наталька, Наталька
Далеко.

/ Ровный / счет знают собаки
В рифму умеют попугаи
А мы говорим стихами
Ворон пугаем . . .

. . . Смотри – дивись

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.